

ЭЛИЗАБЕТ БЭР

ХОЛОД

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б97

Elizabeth Bear

CHILL

Copyright ©2010 by Elizabeth Bear

Опубликовано с разрешения автора и его литературных агентов:
Литературное агентство Дональда Маасса (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Бэр, Элизабет.
Б97 Холод / Элизабет Бэр ; [перевод с английского М. А. Головки-
на]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-219569-3

Взрыв сверхновой наконец позволил зависшему на орбите кораблю-миру отправиться в путь. Однако за пятьсот лет многие знания были утеряны, и новому капитану приходится восстанавливать то, что осталось и от корабля, и от собственного сердца. Капитан Персеваль и Дом Коннов преследуют сбежавшую предательницу Арианрод, которая ищет последнее оружие. Искусственные интеллекты, ставшие богами из машины, ведут каждого к их цели. Но что, если цели нет и никогда не было?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-219569-3

Посвящается Томасу Ладегарду

Г л е н д а у р

Я духов вызывать могу из бездны.

Х о т с п е р

И я могу, и каждый это может,
Вопрос лишь, явятся ль они на зов.

У. Шекспир, «Генрих IV», ч. I, действие 3, сцена 1¹

¹ Пер. Е. Бируковой.

На полпути к подъему

Когда огромный корабль пришвартован в гавани, то он, несомненно, находится в безопасности. Но... огромные корабли строят не для этого.

*Кларисса Пинкола-Эстес,
«Письмо молодому активисту,
живущему в беспокойные времена»*

ПЕРВЫМ НАМЕКОМ НА ТО, ЧТО сознание возвращается, стал ручеек ледяной воды, который тек по его векам, ресницам, ноздрям. За водой последовала прокатившаяся по телу волна боли, слишком мощная, чтобы симбионт мог ликвидировать или заглушить ее.

Тристен Конн, лежавший в резервуаре, открыл глаза. Пока по нему стекала гипербарическая жидкость, его грудную клетку сдавил спазм. Сломанные ребра вонзились в тело. Резервуар выплеснул его, словно новорожденного, покрытого гирляндами окровавленной слизи, на пол.

Тристен оттолкнулся от пола, но разбитые в мясо руки не смогли приподнять его лицо над лужей из насыщенной кислородом жидкости. Его стошнило. Слизь, подкрашенная синей кровью, потекла из его носа и рта, а с ней — яркие кусочки зубов и легких.

Он не смог поднять голову. Он подумал: «И никого не стало», и пожалел о том, что не может считать себя мертвым.

Он здесь. И если он ранен, значит, он жив. Рядом с разбитой щекой по полу тянулись синие щупальца; они встречались и сливались, словно ртуть, а затем отправляли свои рукава на поиски

Тристана. Пока симбионт репатриировал обособившиеся от него части, боль усиливалась. Сломанные кости двигались в разорванном мясе; тело Тристана и его симбионт пытались излечиться.

Он бы заскулил, но самым громким звуком, который мог вырваться из него, был свист затрудненного дыхания.

Пока жидкость текла по его плечам и шее, он лежал и смотрел на казавшуюся бесконечной кривую капсул, протянувшуюся вдоль стены тьюма. Вес всего этого пустого пространства придавил его к полу с той же силой, что и искусственная гравитация мира. Оказавшись в этом положении, Тристен получил время на размышления.

Одна из его мыслей была: «Не странно ли, что открылся только мой резервуар?»

Он лежал до тех пор, пока жидкость на его теле не превратилась в желтоватые корки, а по коже не побежали мурашки от холода. Боль от обломков костей уменьшалась по мере того, как симбионт возвращал скелет в порядок. Как только кости начали срастаться и пошел процесс исцеления разорванной плоти и ушибленных органов, мощность симбионта восстановилась до того уровня, когда он занялся болью. Тристен смог сделать вдох, не закричав, и почувствовал, как расширяется его грудная клетка и как изгибается диафрагма. Он прижал ладонь к рифленому покрытию пола.

Ладонь расширилась, когда Тристен перенес на нее свой вес. Мышцы и кости внутри конверта из кожи выдержали. Он выпрямил локоть, поднял плечо, вытащил вторую, онемевшую руку из-под тела, оперся на нее, а затем оттолкнулся. Зафиксировал оба локтя и опустил голову.

Если стоишь на коленях, значит, уже наполовину встал.

Тристен сжал частично восстановленные зубы и довел дело до конца.

В течение нескольких секунд он мог лишь стоять. У него не было сил, чтобы протянуть руку и опереться на серую мембра-

ну, которой открытая дверца резервуара была покрыта изнутри. Но он не знал, как быстро он сумеет подняться, если упадет, и хватит ли ему смелости это сделать.

Хлюпая по липкой жидкости, Тристен повернулся и сделал шаг, провел пальцами по капсулам и обрел равновесие. Он медленно и глубоко дышал — до тех пор, пока после очередного вдоха во рту не перестал появляться вкус крови. Он насыщал свою кровь кислородом. По крайней мере, атмосфера сохранилась.

Внимательно осмотрев искореженную выпуклость неба, Тристен поправил самого себя: по крайней мере, *здесь* атмосфера сохраняется.

Когда он разглядывал небо, ему было легче не смотреть на горизонт. Десять неуверенных шагов и сорок семь секунд, чтобы доковылять до панели управления резервуаром, который был вторым слева от его собственного. Этот резервуар оставался закрытым. Протерев запотевший экран, Тристен увидел, что оранжевых и желтых индикаторов на ней столько же, сколько и голубых, но даже когда он прищурился, чтобы сфокусировать расплывающуюся картинку, то не заметил ни одного красного.

Новая волна, волна облегчения, обожгла ему глаза и сдавила грудь, хотя он лишь через несколько секунд смог отделить это ощущение от боли.

Персеваль жива.

Он привалился к мятно-зеленой поверхности ее резервуара и какое-то время фокусировал внимание только на дыхании. Сила медленно возвращалась, но ему нужны ресурсы — белки, кальций, жидкости, коллаген и аминокислоты — все то, что симбионт расходует, залечивая раны.

Когда трюм перестал вращаться у него перед глазами, Тристен поднял голову.

— Эй?

Звук отозвался многослойным, сложным эхом, которое — если бы Тристен уже этого не знал — многое поведало бы о форме трюма, а также о числе и расстановке резервуаров. Тристе-на со всех сторон окружило тяжелое, звенящее эхо жидкости.

Каждый находящийся рядом резервуар, если не считать его собственного, был заполнен. Тристен подумал о том, сколько разбросанных по миру выживших поверило голосу ангела, когда тот объявил о чрезвычайной ситуации, и сколько из них успели найти неповрежденные контейнеры.

— Конн, — он попытался найти в себе командирский голос. — Говорит Конн. Вы меня слышите?

— Принц Тристен.

Бесплотный голос принадлежал чужаку, но его интонации были достаточно знакомыми, чтобы добавить новые слои боли и печали к и так уже сложным чувствам. Это был голос нового ангела Персеваль, и Тристен представил себе, что так могла бы выражать свои мысли Риан.

— Я слышу тебя, — сказал Тристен Конн. — Как тебя зовут?

Последовала пауза, и эту паузу сделал не ангел. Когда прозвучал ответ, в нем было эхо голоса Персеваль, мутность мысленного проговаривания речи.

— Мне не дали имени.

— Мы снялись с якоря, — сказал Тристен, глядя на то, как под прозрачной кожей исчезают голубые синяки. — Межзвездный двигатель работает?

— Да, — ответил ангел.

Воздух заискрился, и он (Тристен предположил, что ангел — «он») стал видимым. Материал его конструкции весил всего несколько граммов, но этого оказалось достаточно, чтобы создать аватар, который выглядел вполне материальным. Облик ангела был андрогинным; ангел скорее казался поджарым, нежели стройным. С его острых плеч свисали рукава черной блузы, заканчивающиеся широкими манжетами, по которым тянулись крошечные стебли с серебряными и пурпурными цветами. Смуглая кожа сливалась с короткими темными волосами.

— Мы поддерживаем скорость, равную приблизительно тридцати процентам от световой, — ответил ангел.

— Прочность конструкции?

Давным-давно Тристен прежде всего спросил бы про персонал. Но со зрелостью пришло понимание, что без машин жизни нет.

— Приблизительно 43 процента мира не пострадало, — сказал ангел. — Однако отдельные части надстройки остаются вне пределов досягаемости. Там я слеп и нем. Судя по неполным доступным данным, до взрыва сверхновой структурная целостность составляла 64,3 процента.

Наконец Тристен позволил себе спросить:

— Потери?

Он представил себе вращающуюся сеть мира, который мчит сквозь Врага, оставляя за собой след из незаменимых материалов и бесконечно заменимых жизней. Симбионт мог вернуть утраченные капли крови Тристена и фрагменты тела, но все попавшее во Врага пропадало навсегда.

Пока Тристан спал, мир сжался.

— Применяя метод экстраполяции, я оцениваю их в 16 процентов, — сказал ангел. — Мои программы коммуникации и проприоцепции повреждены. Связь с внешними секторами неустойчивая. Во всех секторах, с которыми я до сих пор поддерживаю связь, уровень жизнеобеспечения ниже оптимального. Мир подвергся воздействию мощной дозы излучения. Ударная волна нанесла ему большой урон. Мы потеряли значительную часть атмосферы. Я синтезирую углерод и кислород из доступных и регенерированных материалов и пытаюсь сохранить биологическое разнообразие, но нам еще довольно долго придется действовать в минимальном составе. Это подводит меня к причине, которая заставила меня разбудить вас раньше срока. Принц Тристен, я очень сожалею, но мне нужна ваша помощь.

Тристен совершенно не ожидал услышать такие слова от ангела, и его сердце разбилось по той линии разлома, о существовании которой он и не подозревал.

Стремление ангела говорить таким образом было связано не с Самаэлем, Азрафилом или с Прахом, а с совершенно иным

сознанием, которое машина поглотила. Он отбросил эту мысль. *Эта игра до добра не доведет, принц Тристен.*

— Что я могу для тебя сделать? — спросил он.

— Я боюсь, что мой Капитан утратила храбрость и решимость, — сказал ангел. — И она не желает разговаривать с кем-либо, кроме вас. Она говорит, что вы должны стать ее Первым помощником и что я должен выполнять ваши приказы, а Капитана оставить наедине с ее горем.

Тристен прислонился к резервуару Персеваль; зеленая, словно медицинская, ткань обивки липла к коже на спине. Он позволил ладони распластаться на поверхности камеры, словно мог преодолеть слои полимеров и жидкости и прикоснуться к пленянице. Желание Персеваль, чтобы ее оставили в покое, было ему очень хорошо знакомо.

Какой бы храбростью и решимостью ни обладала Персеваль, она все еще была очень, очень юной.

— Ладно, — сказал он. — Система жизнеобеспечения в Двигателе работает?

— По сравнению с остальными частями мира домен Двигателя не так сильно поврежден, сэр.

— Прежде всего мы должны отремонтировать мостик. Начинай будить всех инженеров, которые выжили.

— Слушаюсь, сэр, — ответил ангел.

Тристен поднял руку.

— Сначала Кейтлин Конн, — добавил он. — И, пожалуйста, нарисуй мне схемы мира в его нынешнем состоянии.

— Мне удалось установить с ней контакт, сэр. Я сделаю все, что в моих силах.

Мостик не лежал в руинах. Вспомнив, в каком состоянии он был, Тристен мог лишь предположить, что ремонт данной части корабля с самого начала входил в число главных приоритетов ангела. Исправить мостик значит служить Капитану, и, соот-

ветственно, принести пользу самому миру. Три вещи — ангел, Капитан и корабль — были неразрывно связаны между собой в мифологии как Дома Двигателя, так и Дома Власти. Они переплелись и в реальности.

Тристен остановился в дверном проеме, думая о том, каким предстал перед ним мостик в прошлый раз — затянутым паутиной, ветшающим, открытым перед Врагом. А теперь Тристен шел по ковру из клевера с крапинами голубых васильков и лилового паслена. В тени кресел и панелей управления алые лепестки триллиума прижимались к почве; их застенчивость противоречила их цвету.

А над головой и вокруг — звезды.

Тристен знал, что это не вид из окна переднего обзора и что это изображение не «сырое», а отредактированное — потому что «Лестница Иакова» все еще мчалась вместе с расширяющимся полем обломков, которое образовалось в момент смерти звезд. Взрыв этих звезд придал миру ускорение. А теперь, когда электромагнитные сетки были перенастроены, чтобы загонять раздробленную звездную материю в алчные пасти мира, трупам звезд питались просыпающиеся двигатели корабля.

Тристен увидел звезды так, как они бы выглядели без лучезарного слоя пыли и газа — эффектную межзвездную ночь, не запятнанную новорожденной туманностью. Когда «Лестница Иакова» ускорится, она оставит фронт взрывной волны позади, но пока что они путешествовали вместе.

Отфильтрованные звезды выглядели неподвижными. На таком расстоянии и при таких скоростях видимое движение было незаметным.

Когда Тристен сделал паузу, чтобы насладиться этой панорамой, ангел снова появился перед ним. Его аватар переходил от одной панели к другой, словно они могли включиться только после его прикосновения. Тристен предположил, что Строителям было более комфортно находиться в обществе видимого доброжелательного существа, но самому Тристену оно казалось избыточным.

— Пожалуйста, открой панели состояния, — сказал Тристен. — О состоянии всего корабля...

— В том объеме, который у меня есть, — поправил его ангел.

— ...с акцентом на инженерном отделе. Отчеты о потерях и ущербе. Медицинское заключение о важных членах команды. Отчеты об износе материалов. Отчет о состоянии ключевого персонала, а также список пропавших и умерших.

Риан, конечно. Тристен подумал о том, включит ли ангел ее в число погибших. Фактически она не умерла, но даже если ее нет в живых, ее смерть — которая на самом деле была не смертью, а прекращением независимого существования — произошла до взрыва сверхновой.

Войдет ли ее имя в список или нет, Тристен не знал, но был уверен, что увидит в нем имена других, столь же близких ему людей.

Воздух перед ним потемнел, но не утратил прозрачность. По нему потянулись яркие столбцы слов и чисел. Для плебея они двигались слишком быстро, но Тристена эта скорость совсем не напрягала.

— Есть ли ключевые специалисты, состояние которых вы хотите установить прежде всего? — спросил ангел. — Урон велик, и если я могу сфокусировать свои усилия...

— Кейтлин, — ответил Тристен. — Бенедик. Все члены семьи Конн и руководство Двигателя и Власти, — затем, скрипя зубами, он произнес имя, называть которое ему хотелось меньше всего: — И Арианрод.

Его внучка была виновна в убийстве, измене и развязывании биологической войны. Она и ее дочь Ариан распространили во Власти искусственный, смертельно опасный вирус гриппа, а также заключили союз с мятежным ИИ Азрафилом в попытке взять мир под свой контроль. Именно их действия привели к уничтожению Риан — другой дочери Арианрод, ребенка, который был дорог Тристену. Если бы она погибла во время взрыва сверхновой, это был бы определенный знак судьбы, но по опыту Тристен мог сказать, что провидение редко оправдывает свою репутацию.

— Резервуары, в которых находились люди с этими именами, не повреждены, — сразу же ответил ангел. — Принц Бенедик уже вышел. Главный инженер тоже. Остальную часть вашей просьбы я обрабатываю.

— Спасибо, — сказал Тристен.

В жизни Бенедика Конна были пробуждения и похуже, но лишь парочка, не больше. Протирая глаза от налипшей на них слизи, он выбрался из все еще влажной капсулы и почувствовал в костях тот самый особый исцеляющий жар, который ни с чем не спутаешь.

— Да пошло оно все в топку, — сказал он, врезавшись в стену соседней капсулы. Он ударился в нее плечом и благодаря этому не упал, но вдруг обнаружил, что все равно цепляется пальцами за сетку для грузов.

Его одежда и инструменты были упакованы в сетку, прикрепленную к его собственной капсуле. Все это ему пригодится. Ткань должна была выдержать.

— Насколько все плохо? — спросил он.

— Все плохо, — ответил ангел, разбудивший его. — По приказу Капитана Персеваль принц Тристен исполняет обязанности Первого помощника.

— Персеваль больна? — Бенедик выпрямился и, повернувшись, заметил сетку, в которой лежало его снаряжение. Он попытался развязать на ней узлы, но его руки слишком сильно тряслись, а онемевшие пальцы действовали так же ловко, как жирные сосиски.

— Персеваль еще не до конца исцелилась, и она страдает от горя, — ответил ангел, и Бенедик был готов поклясться, что услышал в его голосе знакомую ноту сочувствия. Ею она ранила, словно кинжал, причиняя ему острую боль. — Но она — Капитан. Она исполнит свой долг.

— Риан, — сказал Бенедик, просто чтобы услышать, как его голос произносит это имя.

Ангел помолчал, а затем, к сожалению, ответил:

— Простите, принц Бенедик, но я не Риан и не могу стать ею для вас. Внутри меня слишком много всего.

Бенедик покачал головой; переполнявшие его чувства мешали ему говорить. Он знал. И он имел в виду совсем другое.

Она перестала существовать, а он едва успел с ней познакомиться. Да, было бы легко обвинить во всем ее мать, но на самом деле он обманул их обеих. Если бы он постарался, то нашел бы другие способы сделать все это. И поэтому теперь — хотя Риан заслуживала большего — в память о ней Бенедик дал себе время на то, чтобы содрогнуться от боли.

А затем он закрыл глаза и представил себе, как поворачивается и уходит прочь.

В центре домена Бенедика находилась крепость с ледяными стенами, и он прекрасно в ней ориентировался. Сейчас он представил себе, что находится в длинном коридоре, который ведет вниз; он увидел тяжелую дверь, которая открывается от его прикосновения. Он представил себе холодный спертый воздух, который касается его лица и рук.

Он вообразил, что заходит внутрь. Стены крепости были идеально чистыми, идеально замороженными. Он четко видел все, что происходит снаружи, но лед защищал его от боли.

Его сестра Кинрик взбунтовалась против их отца, Командора, а когда мятеж был подавлен, Бенедик стал ее палачом. По стандартам плебеев он не был особенно молодым, но по меркам возвышенных он считался очень юным. Он построил ледяную крепость, чтобы пережить тот день, но за прошедшие столетия возвращался сюда гораздо чаще, чем ему хотелось бы. Он приходил в крепость каждый раз, когда война или тяготы жизни не давали ему шанс кого-то оплакать. Бенедик пришел сюда, когда Кейтлин, мать Персеваль, бросила его за то, что он позволил воспитать свою вторую дочь в Доме Власти. Вот и сейчас он сказал себе, что воспользоваться крепостью в данный момент — это не позор.

Одним прикосновением Бенедик закрыл воображаемую дверь и почувствовал, как она захлопнулась. Он заперся, отгородился

от боли — как и в тот день, когда потерял Кейтлин, как и в тот день, когда кровь Кинрик сначала извивалась, а затем запеклась на его руках.

Плебеи прозвали его сестру «Кинрик-Волшебница» и относились к ней со смесью страха и благоговения. Но в итоге волшебство ее не спасло.

Персеваль тоже предстоит это понять, иначе она не станет лидером. Бенедик научит ее этому — если она ему позволит.

Он стиснул кулаки, и ногти впились в его ладони. Он почувствовал, что рядом возникло размытое пятно жара, и заставил исчезнуть. Лед. Все вокруг — лед.

Где война, там и утраты. Он должен относиться к смерти своих дочерей как к гибели любого другого ребенка. Каждый малыш для генерала одинаково ценен.

Бенедик дал себе слово, что позднее станет отцом — скоро, до того, как прятаться от боли за ледяной стеной станет слишком легко. На этот раз он все сделает как надо.

Ему показалось, что он настроен серьезно, но ему было сложно поверить самому себе.

Когда Бенедик открыл глаза и снова заговорил, его голос был мягким и спокойным.

— Что нужно Тристену?

— Идите в центральный инженерный отсек, — ответил ангел. — Я должен разбудить Главного инженера.

Бенедик вытащил свои брюки из сеточного мешка и принялся с трудом их натягивать на себя, подозревая, что быстро накопить лед он не успеет.